

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28

УДК 316.4

Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения

Майя Андреевна Ядова

кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, РФ)
ORCID: 0000-0002-2988-1513
m.yadova@mail.ru

Аннотация. Целью статьи выступает анализ перспектив влияния пандемии COVID-19 на молодежь России и зарубежных стран. Особое внимание уделяется явлению, которое современные исследователи называют «коронавирусным эйджизмом». Показано, что в условиях пандемии молодой возраст становится естественным ресурсом, который значительно повышает шансы на адаптацию к вызванному пандемией социальным трансформациям. На примере проведенного автором социологического исследования адаптационных стратегий и повседневных практик постсоветской молодежи в условиях пандемии показано, что цифровая компетентность способствует преодолению негативных последствий коронавирусного кризиса. Подчеркивается медиаторная роль первых цифровых поколений в современном мире — миллениалов и центениалов — в передаче IT-знаний и навыков представителям старших поколений. Так, в качестве одного из ключевых факторов, позитивно влияющих на повышение цифровой грамотности старших поколений, можно рассматривать интенсивность межпоколенческих контактов. Этот факт дает возможность иначе взглянуть на ставшую привычной проблему конфликта поколений. Вместе с тем существуют социально уязвимые группы молодежи, для представителей которых шансы на жизненный успех в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции ничтожно малы. Для множества юношей и девушек, живущих в беднейших странах или регионах, недоступны цифровые технологии и ограничен доступ к образованию. Некоторые молодые люди отрезаны от доступа к качественным медицинским услугам, что ставит под угрозу не только их здоровье, но и жизнь. Часть молодежи столкнулась с жесточайшей безработицей, страдает от насилия, не может справиться с негативными эмоциями и чувством одиночества, пережила смерть близких или друзей и т. д.

Ключевые слова: молодежь, пандемия COVID-19, коронавирусный кризис, социальные практики, «коронавирусный эйджизм».

Цитирование: Ядова М. А. Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения / М. А. Ядова // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 2 (16). С. 20-28.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19, став беспрецедентным вызовом для человечества, затронула разные поколения. Многие исследователи, отмечая «скрытый эйджизм коронавируса» [14, с. 8], обычно имеют в виду особое отрицательное влияние пандемии на пожилых людей, чье пребывание в режиме самоизоляции редко бывает комфортным. В то же время кажется очевидным, что в условиях пандемии молодой возраст становится естественным ресурсом, который значительно повышает шансы на адаптацию к трансформациям постковидного мира. В настоящей работе попытаемся разобраться, насколько эти утверждения соответствуют действительности и как феномен «коронавирусного эйджизма» проявляется на практике.

Мобилизация молодежи для борьбы с пандемией COVID-19: российский и зарубежный опыт

Несмотря на то что отрицательные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции в достаточной мере отразились на жизнедеятельности молодежи по всем миру, многие юноши и девушки нашли в себе силы и ресурсы противостоять разразившемуся кризису. Как отмечают авторы международного доклада «COVID-19: Работа с молодежью и для молодежи» (COVID-19: Working with and for Young People), практически с самого начала к борьбе с пандемией активно подключились как молодые профессионалы (медики, студенты медицинских учебных заведений, исследователи, ученые-популяризаторы, борющиеся с фейками о новом заболевании в Интернете), так и, условно говоря, «дилетанты» — те, чья работа не связана со сферой здравоохранения [10, с. 10]. Это неудивительно, ведь за последние годы, по словам авторов доклада, в большинстве стран мира уровень занятости в секторе здравоохранения вырос в основном за счет привлечения молодежи [10, с. 10].

Также невозможно переоценить колоссальную работу волонтеров, направленную на смягчение последствий пандемии. По мнению экспертов, в волонтерскую работу во время пандемии в той

или иной степени вовлечен каждый четвертый представитель молодежи по всему миру [15, с. 37]. Впрочем, российские и зарубежные исследователи неоднократно фиксировали ключевую роль молодежи в волонтерской деятельности в случае возникновения чрезвычайных ситуаций [2, 7, 10]. Например, оказалась неоценимой помощь молодежи в период вспышки заболеваемости лихорадкой Эбола в 2014 г.: тогда молодые люди способствовали мобилизации своих локальных сообществ для борьбы с заболеванием, успешно распределяли продовольствие и другие товары среди тех, кто находился на карантине; сдерживали панику, отслеживая и распространяя достоверную информацию о текущей ситуации в режиме реального времени [10, с. 10]. Сегодня работы у «коронавирусных волонтеров» прибавилось: им приходится не только поддерживать тех, кто нуждается, но и подвергать свою жизнь опасности, принимая участие в заботе о больных и в испытаниях вакцин против нового коронавируса.

В периоды локдаунов оживились так называемые помогающие практики, в том числе в отношении пожилых людей; сближение «отцов» и «детей», в свою очередь, вероятно, даст возможность в будущем пересмотреть ставшую традиционной проблему конфликта поколений. Миллениалы и центениалы¹ как представители первых в современном мире цифровых поколений чрезвычайно тесно связаны с виртуальной реальностью и могли бы помочь старшим поколениям адаптироваться к новым технологиям.

¹ Термин «миллениалы» (от лат. millennium — тысячелетие) предложен исследователями в конце прошлого столетия для обозначения детей, которые должны были окончить среднюю школу на рубеже веков. В зависимости от региональной специфики взросления характеристики миллениалов разных стран варьируются. В Европе и США к этому поколению традиционно относят родившихся в 1981–2000 годы, тогда как в России старшей когортой миллениалов принято считать ровесников горбачевской перестройки или тех, кто родился в период распада СССР. Центениалами (англ. centennial — столетний), или Поколением Z, называют следующее за миллениалами поколение, представители которого родились уже в нынешнем веке.

Кроме того, молодежь может сыграть ключевую роль в преодолении цифрового неравенства, вызванного возрастными особенностями или материальными трудностями представителей тех или иных социальных групп: в условиях постепенного перехода в онлайн-среду людям, не имеющим доступа к цифровым технологиям, важно научиться ими пользоваться и иметь рядом адекватные информационные каналы.

В силу различных факторов (значительное социальное расслоение, консерватизм части населения, особенно пожилого) проблема межпоколенческого «цифрового разрыва» характерна для российского общества. По данным исследования, проведенного отечественными психологами Г. У. Солдатовой и Е. И. Рассказовой, цифровая компетентность и пользовательская активность представителей старших поколений россиян во многом зависят от их детей и младших родственников, выступающих медиаторами и стимуляторами в процессе освоения «старшими» интернет-технологий [4].

Часть молодежи проводит в социальных сетях информационные кампании о соблюдении необходимой гигиены, борется с fake news и предрассудками о COVID-19. Некоторые эксперты видят молодежь в авангарде поиска новых передовых методов взаимодействия с правительствами государств, СМИ, медицинскими службами и населением посредством различных средств связи типа WhatsApp, Zoom, смс-оповещений, социальных сетей и пр. [10, с. 10]. Вовлеченность молодежи в цифровые технологии помогает ей, «не отходя» от компьютера или смартфона, отстаивать ценности гражданского общества, оперативно информируя о случаях нарушения прав и свобод, ксенофобии, насилия в отношении кого бы то ни было.

Стоит сказать, что современная молодежь не только борется с последствиями коронавирусного кризиса, но и обретает новый опыт, осваивая полезные навыки и практики, которые могут пригодиться в будущем. Так, результаты проведенного автором настоящей статьи социологического исследования адаптационных стратегий и повседневных практик постсоветской молодежи в условиях пандемии обнаружили, что интер-

нет-активность и цифровая грамотность во многом помогают преодолеть негативные последствия пандемии.

Мы исходили из предположения, что для сильноресурсных социальных групп адаптация к новым условиям относительно облегчена, поскольку они обычно демонстрируют хорошие адаптивные способности¹. Кроме того, участники исследования принадлежат к поколениям миллениалов и центениалов, которые намного активнее предшествующих поколений используют цифровые технологии, проводят время в Интернете и социальных сетях [3, с. 80-85]. Таким образом, беседа велась с потенциально одной из наиболее адаптированных к коронавирусным трансформациям социальных групп.

Возраст опрошенных — от 18 до 34 лет, время проведения интервью — апрель-сентябрь 2020 г.; всего проведено 20 интервью по специально разработанной методике, из них 11 — с мужчинами, 9 — с женщинами. Интервью в зависимости от пожеланий и возможностей респондентов проводились по телефону или в электронном формате (по e-mail, в социальных сетях, с использованием программ для обмена мгновенными сообщениями — WhatsApp, Skype и т. п.). Отбор информантов осуществлялся методом «снежного кома». Большая часть участников интервью — жители Москвы и Московской области² (студенты или выпускники вузов, молодые специалисты), располагающие достаточно «сильным» набором социальных ресурсов.

Многие информанты, несмотря на усталость от режима самоизоляции и связанных с ним ограничений, отметили позитивные стороны карантинного времяпрепровождения. Для кого-то это стало временем открытия новых — как правило, с привлечением онлайн-технологий — образова-

¹ Под сильными ресурсами в данном случае предлагаем понимать «социостатусный капитал», хорошее образование и материальное положение, проживание в крупном городе, молодой возраст как естественный ресурс и пр. Подробнее см. [6].

² С 30 марта по июнь 2020 г. здесь были введены ограничения на передвижения и т. н. домашний режим самоизоляции.

тельных, коммуникативных, трудовых, творческих, спортивных и др. возможностей, одним из способов лучше узнать своих близких, друзей, преподавателей, соседей, а порой и себя. Многие за это время усовершенствовали свои прежние навыки или научились чему-то новому — готовить, ухаживать за цветами/садом, водить машину, играть на музыкальных инструментах, улучшили знания иностранного языка или взялись за изучение нового, стали волонтерами. Практически у каждого участника исследования появились любимые онлайн-практики и привычки, которые им хотелось бы оставить в своей жизни и по окончании эпидемии: например, покупки в интернет-магазинах, встречи в Zoom, занятия творчеством, волонтерские практики и пр. Достаточно спокойное, если не сказать философское отношение ко времени, проведенному в режиме самоизоляции, со стороны информантов можно объяснить их стремлением научиться полноценно жить (а не только выживать) в условиях новой повседневности. Если предположить, что пандемия нового коронавируса будет сопровождать человечество не одно десятилетие, то адаптационные стратегии, выбираемые современной молодежью, станут образцом для других поколений в будущем. Ведь в трансформирующихся обществах, согласно выводам Р. Инглхарта [11], взгляды и ценности молодежи начинают доминировать спустя 10-15 лет.

Схожие результаты приведены в работе российских социологов Н. Л. Антоновой и В. Р. Хафизовой, в которой анализируются «карантинные» практики молодежного активизма в Екатеринбурге [1]. В центре внимания исследователей — содержание городских информационных сайтов и пабликов в социальных сетях. В итоге было обнаружено, что локальные практики молодежи крупного города сосредоточены на DIY-инициативах (от англ. *Do It Yourself* — сделай сам), стрит-арте, коллективных вокально-танцевальных проектах. При этом наибольшая часть действий и взаимодействий молодых горожан нацелена на поддержку окружающих и профилактику заболеваний (покупка продуктов и лекарств пожилым соседям; «гигиенические»

идеи, к примеру, чем нажимать на кнопки лифта, не дотрагиваясь до них; аплодисменты «по расписанию» в благодарность врачам местных больниц и т. п.). Коллективные акции («балконные концерты») служат сплочению жителей и формированию особой территориальной идентичности. Таким образом, делают вывод авторы, испытание в виде режима самоизоляции, с одной стороны, притормозило развитие локального молодежного активизма, а с другой — послужило триггером для появления новационных практик и поведенческих паттернов молодежи.

Пандемия COVID-19 и социально уязвимые группы молодежи

С самого начала пандемии COVID-19 одним из главных тезисов было утверждение о том, что пожилые люди по сравнению с молодежью более подвержены воздействию нового вируса. Это утверждение верно лишь отчасти — если игнорировать факт, что любой глобальный кризис и порождаемое им состояние социальной турбулентности усугубляет существующие в обществе проблемы. Думается, последствия пандемии COVID-19 наиболее остро будут ощущаться молодыми людьми, которые и в «допандемийные» времена находились в неблагоприятных условиях.

Согласно докладу «COVID-19: работа с молодежью и для молодежи», существует ряд социально уязвимых групп молодежи, для которых возрастные преимущества не являются очевидными; все они серьезно пострадали от последствий пандемии и наравне с пожилыми людьми являются частью системы глобального реагирования на вызовы коронавирусного кризиса [10]. Среди этих групп авторы доклада выделяют следующие: молодые беженцы, просители политического убежища и те, кто не имеет постоянного места жительства или оказался в условиях чрезвычайных гуманитарных ситуаций; молодые мигранты, ограниченные в своих передвижениях, страдающие от безработицы и ксенофобии; юноши и девушки, живущие в бедных густонаселенных городских районах в тяжелых условиях (без доступа к водопроводной воде, качественным медицинским услугам, без воз-

возможности соблюдать нормы физического дистанцирования и пр.); подростки и молодые люди, которые по тем или иным причинам разлучены с родителями и сталкиваются с повышенным риском насилия и нарушений своих прав¹; молодежь с ограниченными возможностями здоровья или с хроническими болезнями, включая пациентов с ВИЧ; девочки-подростки и молодые женщины, которые уже страдают от гендерного неравенства и ограничений либо находятся в зоне повышенного риска по этому поводу; молодые представители ЛБГТ-сообщества, которые могут быть подвергнуты серьезной дискриминации (например, в больницах) [10, с. 6].

Также в определенной зоне риска оказываются школьники или студенты вузов/колледжей. По статистическим данным, около 1,5 миллиарда молодых людей в 188 странах — это более 90% учащихся во всем мире — отстранены от очного обучения в средних и высших учебных заведениях из-за мер физического дистанцирования [13]. По результатам недавнего исследования, проведенного под эгидой Международной организации труда (МОТ), за время пандемии 73% учащейся молодежи пострадали от закрытия школ, высших учебных заведений и центров профессиональной подготовки; примерно столько же (65%) молодых людей признались в трудностях с обучением, возникших в результате перевода их учебных заведений с очного формата образования на дистанционный [15, с. 2]². Еще хуже положение молодежи в странах с низким уровнем доходов, где в меньшей степени доступен Интернет, не хватает учебных материалов и

оборудования. Примерно 2/3 молодежи благополучных развитых стран имели возможность без ощутимых сложностей перейти на дистанционный режим обучения, тогда как в низкодоходных странах такой переход был доступен лишь 18% [15, с. 23]. Кстати, для части российской молодежи при существующем в нашей стране высоком уровне социального неравенства такой переход также не был безболезненным. Например, панельная дискуссия руководителей и проректоров российских вузов «Трансформация высшего образования в условиях пандемии — от шока к цифровой педагогике», состоявшаяся 25 июня 2020 г. в рамках VII Летней школы преподавателя [5], показала, что многие российские вузы, прежде всего находящиеся «в глубинке», оказались не готовы к спровоцированной пандемией переходу к цифровым моделям образования по ряду причин (технологическое отставание, региональные социокультурные традиции, консерватизм основной массы профессорско-преподавательского состава и пр.). Эти факты позволяют говорить о своеобразном тренде межстранового или межрегионального «цифрового разрыва», свойственного современным обществам.

В подобных условиях говорить о карьерных ожиданиях молодежи довольно трудно, видимо, поэтому 38% наших молодых современников не уверены в собственных карьерных перспективах и готовятся к дополнительным постковидным сложностям на рынке труда [15, с. 38]. Вместе с тем немалая часть молодежи (17%) пополнила ряды безработных с начала пандемии, тогда как над их работающими сверстниками — зачастую в наиболее уязвимых для кризиса областях (неформальный сектор занятости, сфера услуг, торговля) — нависла угроза увольнения или снижения доходов; более чем у 40% молодых работников в период пандемии сократились доходы [15, с. 2]. К сожалению, коронавирусный кризис неудачно «совпал» с неблагоприятными общемировыми прогнозами относительно сферы занятости в будущем: по оценкам Всемирного банка, сделанным еще до начала распространения пандемии, в течение двадцатых годов XXI в. менее половины из вышедшей на рынок труда

¹ Вероятно, в эту же группу можно включить тех, кто потерял родителей, умерших от COVID-19.

² Здесь и далее приводятся данные глобального исследования воздействия пандемии COVID-19 на молодежь, результаты которого представлены в докладе «Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на трудовую занятость, образование, права и психологическое состояние» (Youth and COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being). Исследование охватило около 12 тыс. респондентов в возрасте 18-29 лет из 112 стран мира. Подробнее см. [15].

(400 млн из 1 млрд) молодежи сможет найти себе работу [10, с. 9]. Вероятно, пандемия COVID-19 усилит эти неблагоприятные тенденции.

Особого внимания заслуживает тема защиты психического здоровья молодежи от последствий пандемии COVID-19. Сложные обстоятельства, нарушающие привычный ход жизни молодых людей, соответствующим образом влияют на их психологическое состояние, внушая чувство тревоги за будущее. Лишенные на время локдаунов личного общения со своими ровесниками и близкими, юноши и девушки переживают массу негативных эмоций: согласно данным проведенного выше исследования Международной организации труда, 50% молодых респондентов в скором времени могут оказаться в числе страдающих от депрессии, а еще 17% столкнулись с этой проблемой уже сейчас [15, с. 29].

Справедливости ради отметим, что своего рода «подушкой безопасности» от стрессов для молодежи становится виртуальное общение, а умение «жить в Интернете» приобретает статус дополнительного ресурса для сопротивления последствиям пандемии (впрочем, бывают случаи, когда этот навык имеет обратный эффект). До пандемии 86% российских и 85% американских миллениалов пользовались социальными сетями [3, с. 83-84], для представителей поколения Z цифры даже выше [9]. Например, по данным британско-американского исследования (Э. Орбен и др.), социальная изоляция усиливает у молодежи (точно так же, как и у пожилых людей, кстати) чувство одиночества и снижает ощущение удовлетворенности жизнью. В этих условиях цифровые источники коммуникации рассматриваются исследователями как попытка смягчить — хотя и не в полной мере — отрицательные последствия социальной депривации [12]. В то же время Э. Орбен и ее коллеги подчеркивают, что для подростков и молодежи взаимодействие со сверстниками является жизненно важным аспектом развития: «недобор» живого общения может крайне негативно отразиться на формировании личности.

Рассуждая о мерах по противодействию коронавирусному кризису и минимизации его по-

следствий для молодого поколения, хочется привести в пример рекомендации, предложенные в докладе «Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на трудовую занятость, образование, права и психологическое состояние»: привлечение молодежи к принятию политических решений, касающихся противодействия коронавирусному кризису, и помощь в их практической реализации; поддержка потерявших работу, обеспечение молодежи доступа к страховым пособиям по безработице; а также всесторонние меры, направленные на сохранение ментального здоровья юношей и девушек, начиная с психологической помощи и заканчивая поощрением спортивных занятий [15, с. 3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что охватившая мир пандемия COVID-19 создает новые социальные практики и паттерны поведения — тем, кто хочет адаптироваться к стремительно трансформирующейся реальности, желательно принять стихийно сложившиеся «правила игры» и быть готовыми к дальнейшим изменениям. Кажущаяся легкость адаптации современной молодежи к реалиям коронавирусной повседневности связана с тем, что поколения миллениалов и центениалов — с их немалым опытом жизни в эпоху Postmodernity — интуитивно или осознанно приняли диктуемые COVID-19 «правила». Вместе с тем, вопреки общепринятому мнению, негативный эффект «коронавирусного эйджизма» не обошел стороной и представителей новых поколений. Существуют нуждающиеся в социальной поддержке группы молодежи, для которых преимущества молодого возраста не являются достаточно сильным ресурсом в борьбе с пандемией.

Подчеркнем, что молодежь, в том числе и российская, пытается не только приспособиться к коронавирусной реальности, но и управлять ею, создавая в условиях карантинных ограничений новые формы социальной активности, осуществляя волонтерскую деятельность и т. п. По мнению отечественного социолога О. Н. Яницкого, способность людей мобилизоваться в критической (чрезвычайной) ситуации — необходимая

основа для успешного развития и модернизации любого общества; борьба с критической ситуацией возвращает членам атомизированного социума утраченное чувство коллективности и превращает их в граждан [8]. Инициативы отече-

ственной молодежи, направленные на преодоление связанных с пандемией COVID-19 трудностей, позволяют надеяться, что наша страна сможет успешно справиться и с этим новым для нее вызовом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Н. Л. Город как сцена молодежного активизма: локальные практики в условиях пандемии / Н. Л. Антонова, В. Р. Хафизова // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 6. С. 15-19. DOI: 10.24158/spp.2020.6.1
2. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении / Т. Г. Нежина, К. А. Петухова, Н. И. Четчина, И. С. Миндарова // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 49-71.
3. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1
4. Солдатова Г. У. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // *Психологический журнал*. 2016. Том 37. № 5. С. 44-54.
5. Трансформация высшего образования в условиях пандемии — от шока к цифровой педагогике: летняя школа преподавателя — 2020 // Образовательная платформа «Юрайт». 2020. 25 июня. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s--yH3K0ftM> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / В. А. Ядов // *Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса* / под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310-319.
7. Ядова М. А. Пожар в ИНИОН РАН глазами волонтеров (опыт социологического исследования) / М. А. Ядова // *Россия и современный мир*. 2018. № 2. С. 32-46. DOI: 10.31249/rsm/2018.02.03
8. Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: Проблемы теории / О. Н. Яницкий // *Социологические исследования*. 2012. № 6. С. 3-12.
9. Anderson M. Teens' social media habits and experiences // Pew Research Center. 2018. Nov. 28. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2018/11/28/teens-social-media-habits-and-experiences/> (дата обращения: 10.03.2021).
10. COVID-19: Working with and for Young People: Compact for Young People in Humanitarian Action / ActionAid, WHO, UNICEF, et al. N.Y.; Geneva: INFPA, IFRC, 2020. URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/COMPACTCOVID19-05.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
11. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inglehart. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990. 484 pp.
12. Orben A. The effects of social deprivation on adolescent development and mental health / A. Orben, L. Tomova, S. J. Blakemore // *The Lancet Child and Adolescent Health*. 2020. No. 4 (8). Pp. 634-640. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30186-3
13. Pandemic school closures: risks and opportunities: editorial // *The Lancet Child and Adolescent Health*. 2020. No. 4 (5). P. 341. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30105-X
14. *The Dictionary of Coronavirus Culture* / ed. by A. Bradshaw, J. Hietanen. L.: Repeater Books, 2020.
15. *Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being: Survey Report*. Geneva: ILO, 2020. URL: https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28

UDC 316.4

Young people in the age of the COVID-19 pandemic: the age-related benefits and limitations

Maiya A. Yadova

Cand. Sci. (Soc.), Head of the Department of Sociology and Social Psychology,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-2988-1513
m.yadova@mail.ru

Abstract. This article explores the prospects of the impact of the COVID-19 pandemic on young people in Russia and abroad. Particular attention is paid to the phenomenon that modern researchers refer to as “coronavirus ageism”. This study shows that in the age of the pandemic, the young age becomes a natural resource that significantly increases the chances of adapting to the social transformations caused by the pandemic. The author’s sociological research of adaptation strategies and social practices of the post-Soviet youth in the age of the pandemic shows that digital acumen helps to overcome the negative consequences of the coronavirus crisis. The mediation role of the first digital generations in the modern world — Millennials and Generation Z — is important in transferring IT knowledge and skills to older generations. Thus, the intensity of intergenerational contacts can be considered as one of the key factors positively influencing the digital literacy of older generations. This fact provides an opportunity to look differently at the familiar problem of the generational gap. However, there are deprived young people for whom the prospects of succeeding in life in the age of the new coronavirus pandemic are slim. Many young people living in the world’s poorest countries (or regions) have limited access to digital technologies and education. Some young people are cut off from quality health services, which poses a threat not only to their health but also to their lives. Some young people are faced with the hardships of unemployment, suffer from violence, cannot cope with negative emotions and loneliness, have experienced the death of loved ones or friends, etc.

Keywords: youth, COVID-19 pandemic, coronavirus crisis, social practices, “coronavirus ageism”.

Citation: Yadova M. A. 2021. “Young people in the age of the COVID-19 pandemic: the age-related benefits and limitations”. *Siberian Socium*, vol. 5, no. 2 (16), pp. 20-28.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28

REFERENCES

1. Antonova N. L., Khafizova V. R. 2020. “A city as a scene of youth activism: local practices under pandemic conditions”. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, no. 6, pp. 15-19. DOI: 10.24158/spp.2020.6.1 [In Russian]
2. Nezhina T. G., Petuhova K. A., Chechetkina N. I., Mindarova I. S. 2014. “Motivating youth to participate in volunteering”. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, no. 3, pp. 49-71. [In Russian]
3. Radaev V. V. 2019. *Millennials: How the Russian Society Changes*. Moscow: HSE. 224 pp. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 [In Russian]

4. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. 2016. “‘Digital Gap’ and intergenerational relations of parents and children”. *Psichologicheskij zhurnal*, no. 5 (37), pp. 44-54. [In Russian]
5. Yurait Education Platform. 2020. “Transforming higher education in a pandemic — from shock to digital pedagogy: Summer Teacher School — 2020”. Youtube. Accessed 10 March 2021. <https://www.youtube.com/watch?v=s--yH3K0ftM> [In Russian]
6. Yadov V. A. 2001. “Social resource of individuals and groups as their capital: an applicability of the universal methodology of the study of real stratification in Russian society”. In: Zaslavskaya T. I. (ed.). *Where is Russia Going?*. Moscow: The Moscow School of Social and Economic Sciences. Pp. 310-319. [In Russian]
7. Yadova M. A. 2018. “INION fire as seen by the volunteers (the sociological research experience)”. *Rossiia i sovremennij mir*, no. 2, pp. 32-46. DOI: 10.31249/rsm/2018.02.03 [In Russian]
8. Yanitsky O.N. 2012. *Mass Mobilization: Theoretical Issues*. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 3-12. [In Russian]
9. Anderson M., Jiang J. 2018. “Teens’ social media habits and experiences”. Pew Research Center, 28 November. Accessed 10 March 2021. <https://www.pewresearch.org/internet/2018/11/28/teens-social-media-habits-and-experiences/>
10. ActionAid, WHO, UNICEF, et al. 2020. *COVID-19: Working with and for Young People: Compact for Young People in Humanitarian Action*. New York, Geneva: INFPA, IFRC. Accessed 10 March 2021. <https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/COMPACTCOVID19-05.pdf>
11. Inglehart R. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 484 pp.
12. Orben A., Tomova L., Blakemore S. J. 2020. “The effects of social deprivation on adolescent development and mental health”. *The Lancet Child and Adolescent Health*, no. 4 (8), pp. 634-640. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30186-3
13. “Pandemic school closures: risks and opportunities: editorial”. 2020. *The Lancet Child and Adolescent Health*, no. 4 (5), p. 341. DOI: 10.1016/S2352-4642(20)30105-X
14. Bradshaw A., Hietanen J. (eds.). 2020. *The Dictionary of Coronavirus Culture*. L.: Repeater Books.
15. *Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being: Survey Report*. 2020. Geneva: ILO. https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm